

УДК 82.0

СОЦИАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Елеонора Георгіївна Шестакова

shestakova_eleonora@mail.ru

Доктор філологічних наук

Донецьк, Україна

Анотація. Поручується та обґрунтовується проблема соціальності у її зв'язках зі словесно-культурним простором. Доводиться, що соціальність завжди була покликана виявляти специфіку взаємодії всього простору словесності та суспільства, часу, історії, ідеології, повсякденності, актуалізуючи їх взаємини зв'язком автора, його творіння з його читачами, особливостями їхньої культурної комунікації. Акцентується, що сучасне літературознавство, попри орієнтованість словесно-культурного простору на соціальні аспекти життя (на противагу класичному літературознавству, орієнтованому переважно на інші ціннісні уявлення про роль і природу словесності), продовжує виявляти недостатню увагу та чутливість до соціальності.

Ключові слова: соціальність, літературознавство, літературознавча методологія, словесно-культурний простір, словесно-культурний процес, твір словесності.

На сьогоднішній день соціальність знову оказується одним из востребованных и активно разрабатываемых гуманитаристикой понятий. Оно фокусирует в себе активную и целенаправленную встречу и взаимоосуществление современности, времени, истории, культуры, повседневности, общества, политики, общественной морали и религиозности, национального сознания и самосознания, основ и принципов личного и коллективного жизнетворчества, рассматриваемых в их социально-онтологической перспективе. Соціальність в началі ХХІ ст. в определённой мере и возвращает себе ту смысловую целостность и ценность, которые были ей присущи ещё в эпоху классической рациональности, и приобретает качественно новые характеристики, обусловленные опытом неклассического культурного сознания. Во многом это предопределено своеобразной духовно-культурной, историко-общественной актуальностью, прежде всего, именно жизненной насущностью идеи дальнейшего развития, точнее даже

общественно-культурного прогресса. Подобного рода культурные настроения, переживаемые в эпоху кризиса, были присущи и рубежу XIX–XX ст., в частности, последовательно разрабатывались еще в начале прошлого века Н. Бердяевым. Его работы о роли, сущности, ценностном содержании общественного сознания и социального развития, социально-онтологических перспектив их реализации в европейской культуре и для европейского человека представлены в книге „Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900–1906)”. В статье „Борьба за идеализм”, открывающей эту книгу и впервые опубликованной в июньском номере за 1901 г. „Мира Божьего”, утверждается: „Весь смысл социального развития, делающий это развитие прогрессом, только в том, что оно есть единственный способ обнаружения *должного* в жизни человечества, т.е. таких *духовных ценностей*, как истина в человеческом познании, добро в человеческой воле, красота в человеческих чувствах. <...> Глубокий трагизм человеческой жизни лежит не столько в конфликте добра и зла, сколько в многообразии и сложности самого добра. Таков, напр., поистине трагический конфликт стремления к воплощению справедливости в человеческих отношениях со стремлением свободно творить в своей жизни истину и красоту. Трагические писатели изображают столкновение человеческих страстей с нравственным долгом, но великие страсти сами по себе не зло. <...> Зло есть лишь недостаточная реализация долга в чувственном мире, недостаточное приближение бытия к идеальной цели <...>” (курсив автора. – Э. Ш.) [1, с. 27, 28]. Такой подход к социальности, обусловленный, в первую очередь, сознательным, ответственным осмыслением и принятием её общественно и личностно созидательной сущности и функций, онтологической ответственности за общественно-нравственное развитие, и для начала XXI ст., переживающего кризис почти всех парадигмальных составляющих культуры, оказывается одним из реально намечающихся выходов из подобного катастрофического состояния.

Естественно, что социальность – сложное и многомерное понятие, или, как пишет в энциклопедии „Постмодернизм” А. А. Грицанов, – это пакетное понятие, „пространство адекватных интерпретаций, которого <...> отражает взаимообусловленность индивидуального („атомарного”, „ядерного”) бытия людей, с одной стороны, и наиндивидуальных структур социальной статики и социальной динамики, с другой” [16, с. 790]. При этом социальность, по мысли В. Г. Федотовой, В. А. Колпакова, Н. Н. Федотовой, в

обязательном порядке актуализирует типы господствующих социально-культурных, политико-экономических, идеологических проблем и возможные сценарии их развития, типичных героев относительно нравственно-общественного вопроса [23]. Для современных философов возврат и своеобразный ренессанс понятия и, главное, идеи социальности оказывается внутренне сопряженным с возрождением безотносительных ценностей, стабильного и предсказуемого в своих основах миропорядка. А. Хеллер в интервью „Два столпа современной этики” говорит об этих проблемах так. В качестве двух столпов, отталкиваясь от Аристотеля, она называет *хороший человек* и *справедливая конституция*, которые, по её искреннему убеждению, „являются столпами и современной этики. Есть, однако, и существенная разница. В до-современном мире, включая и мир Аристотеля, хорошие люди и справедливая конституция, или политическое устройство, были органически укоренены в одной и той же твердой почве базовой социальной структуры и фундаментальных верований. Однако в современном мире все это полностью изменилось. Современность основывается не на абсолютной вере и даже не на безусловно признаваемом социальном устройстве, а на свободе” [26]. При этом вполне понятно, что „Современность основывается не на абсолютной вере и даже не на безусловно признаваемом социальном устройстве, а на свободе. Свобода, однако, это такое основание, на котором ничего не основывается. Именно потому, что свобода – это фундамент, который ничему не служит опорой, современный мир оказывается лишенным всякого фундамента. Однако жить без общего для всех абсолютного фундамента не значит жить вообще без оснований. В противном случае мы все были бы уже ввергнуты в радикальный нигилизм. Но я думаю, что это не так. Не только философия или любого рода теория невозможны без какого-то основополагающего акта – политические и общественные ассоциации тоже должны быть основаны. <...> Для того, чтобы ожидания людей оправдывались, а обещания выполнялись, нужна какая-то надежность, какая-то уверенность, устойчивость, своего рода регулярность, повторение и повторяемость. <...> Признавая, что свобода есть основа современного мира, и что это такой фундамент, на котором ничего не основывается, я настаивала на том, что современные люди могут свободно конституировать себе собственные основы, по крайней мере те два столпа, на которых твердо стоит здание современности. Пока эти столпы стоят, все еще возможно отличить добро от зла.

Верно, что свободно выбранные, хоть и абсолютные основания в то же время преходящи, но они не безусловно преходящи” [26]. Своеобразное оправдывая и обосновывая социальность в новых культурных условиях, А. Хеллер признает за ней, свободно и осознанно принятой современным обществом в качестве некоего репрезентанта надёжности и повторяемости, утверждает особую ценность социальности, принятой уже не как некая данность, а как витально значимый продукт коллективного жизнотворчества.

Казалось бы, что эти довольно-таки точные и простые определения социальности, зиждущиеся на классических философских представлениях, вполне применимы к литературоведению, хорошо и давно знаком ему. При этом особенно необходимо учитывать давнюю и прочную специфическую связь философского, общественного и литературного сознаний, тоже обусловленную прочной культурной традицией. И если их, эти определения социальности, перевести на литературоведческий язык, то это обнаружит привычный и хорошо разработанный еще классической наукой о литературе, почти хрестоматийный набор проблем и понятий. К ним, безусловно, относятся такие, как социально-бытовая словесность, социально-философская словесность, социально-политическая словесность, социально-психологический текст или словесность, социально-проблемная проза, социально-культурная, историко-культурная проблематика словесности, господствующие общественные идеи, социологическая школа, социальный заказ, социальный анализ, социологическая мораль, социальный тип, социологическое объяснение психологии поэта и творчества, социальная биография писателя, общественная среда, мировоззрение, социальный тип читателя, социально-культурное умонастроение, исторические типы писателя, читателя, издателя и т.п. Этот набор понятий отражен почти во всех литературоведческих словарях и, практически, в единичных современных учебниках [2; 8–12; 17; 20–22; 24; 25; 27]. Казалось бы, что и проблематика, тематика, обусловленные непосредственно социальностью, достаточно хорошо изучены в литературоведении, о чём свидетельствует почти весь опыт его развития, начиная с Античности и затем особенно второй половины XIX–XX ст., когда в трудах критиков, историков, теоретиков литературы произошло осмысление социальности и в её естественно созидующих, и патогенно-разрушающих проявлениях. Однако этот опыт литературоведения в начале XXI ст. оказывается не достаточным для прояснения собственно, точнее –

исключительно, литературоведческого понимания сущности, роли, места, функций социальности, прежде всего, в такни литературного произведения, а так же, естественно, и в процессе словесно-культурного развития, и в процессе творческого осуществления автора, читателя, текста, и в проявлении, работе механизмов памяти творчества.

Социальность рассматривалась длительное время либо как неотъемлемое имманентное свойство словесности, которая не может не корригировать с социальной действительностью и общественным развитием, либо как обязательная, необходимая, хотя и недостаточная особенность словесности, которая не может не быть определённым отражением общественных отношений, господствующих идеологий (в философском их понимании). Благодаря этому социальности, являющейся субстанциальной ипостасью словесно-культурного пространства, длительное время и не требовалось соответствующих методологических походов и конкретных методов исследования. Она воспринималась и анализировалась, априори принимая для своей актуализации, фактически, любую методологию, применяемую для исследования произведения словесности и словесно-культурного процесса в целом. Вследствие этого социальность именно как ценностная константная составляющая словесности всё время либо недополучала собственно литературоведческого исследования, либо получала чрезмерное социологическое толкование, порой граничащее с вульгарностью интерпретаций словесно-культурного пространства. Наиболее чуткие и профессионально ответственные филологи об этом не уставали повторять. Например, в первой трети прошлого века В. Жирмунский, Л. Пумпянский об этом не только писали, но и конкретными анализами словесно-культурных произведений и процесса в целом доказывали важность внимательного, филигранного отношения к проблеме социальности, преломляющейся и осуществляющейся непосредственно в словесно-культурном пространстве. Причём наиболее профессиональные работы советского литературоведения свидетельствуют о продолжении и значимости именно такого понимания социальности в её взаимоотношениях со словесно-культурным пространством. Однако собственно теоретического обоснования эта проблема так и не получила. Рубеж XX–XXI ст. в силу целого ряда причин и собственно литературоведческого и общекультурного характера эту коллизию максимально усугубил и обнажил. Дальнейшее стремление не замечать, нивелировать и даже

же маргинализовать проблему социальности в структуре современного европоцентричного литературоведения предполагает, во-первых, усугубление его кризиса как кризиса не только методологических идентификаций, но и кризиса системности и цельности литературоведения; во-вторых, дальнейшую неоправданную атомизацию и автономизацию школ, направлений, течений современного литературоведения. Таким образом, необходимо разобраться в том, что такое социальность прежде всего и именно в словесно-культурном пространстве, каковы методы и подходы для её исследования как явления исключительно и только словесно-культурного материала и процесса.

Заявленная в названии статьи тема – результат взаимодействия, по крайней мере, двух ведущих и в то же время проблематизированных факторов, определяющих тенденции внутренней ориентации современного европоцентричного литературоведения. Именно непреодолимая взаимосвязь и в то же время определённого рода противопоставленность этих факторов позволила обнаружить и найти обоснования для одной из значимых проблем современного литературоведения, всё более предающего забвению свои первичные и неустранимые, субстанциальные основания и функции, проистекающие из того, что А. В. Михайлов определил следующим образом: „В целом литературоведение занимается движущимся, становящимся, льющим материалом, который даже нельзя безболезненно и безнаказанно остановить – словно вещь, послушную исследователю, словно устройство, которое можно разбивать, развинчивать, а потом снова собирать. <...> Только тогда поэтическое произведение начинает раскрывать перед исследователем все свои богатства – свою многозначительность и многозначность, свою многослойность и многомерность, то, что всегда есть продукт взаимодействия жизни, истории и произведения искусства и что всегда есть, по сути дела, богатство творчески запечатлённой и творчески преломленной жизни” [15, с. 5]. Такого рода подход, направленный на литературоведчески чуткое, постоянно рефлектируемое отношение к своему предмету, к способам и, главное, цели теоретизирования, задаёт как бы обратную перспективу, почти утраченную современным литературоведением. Для литературоведения в любых обстоятельствах социально-культурного развития действительно должно быть значимо осознание: „Понятия науки о литературе, сколь бы теоретически-обобщенно они ни задумывались, существуют не ради теории, но ради раскрытия логики

литературного творчества в связи с самой жизнью, историей. Можно утверждать, что литературоведение, в отличие от большинства других наук, не строит здание своей теории, не расширяет его, тем более не видит в нем самоцели, а сопоставляет свою теорию с реальной историей, с реальным движением литературы, уточняется через уточнение конкретного знания, постоянно модифицирует свои представления в связи с лучшим знанием истории. Само „теоретизирование” здесь далеко не так ценно, как обращение теории назад к жизни, к жизни литературы и поэзии, как такой самоанализ (самопроверка) традиционных теоретических представлений науки” [15, с. 8]. С этими идеями, отражающими одновременно сущность и литературного, творческого процессов, и специфику преломления, осуществления живой жизни в произведении словесности и её специфическое проявление в нём, трудно не согласиться. Особенно при этом необходимо учитывать изначально предельную сложность, разнородность словесно-культурного материала и словесно-культурного, творческого процессов, которые постоянно в ретроспективной перспективе всё более обнаруживают свою культурную, идейную, смысловую, этическую, эстетическую усложненность, а также многослойность и трудно предсказуемую разветвлённость связей и отношений.

„Карта” же современного литературоведения демонстрирует превалирование совершенно противоположного представления о сути словесно-культурного процесса и произведения словесности, а также словесно-культурного пространства в целом, обнаруживая доминирование двух факторов – двух движущих сил теоретизирования, при которых целостность и беспрестанная, витально значимая текучесть словесно-культурного материала и процесса уходит на маргиналии и влечет односторонность осмысления. Этот аспект современного состояния науки о литературе оказывается наиболее очевидным и обнаруживающим свои недостатки через понятие, которое, казалось бы, изначально и константно было сопряжено со словесностью и так же изначально разработано и априори понятно. Это понятие, *без* и *вне* которого ни словесность, ни наука о ней не могут мыслиться в отрыве друг от друга и от своей сущности, – социальность. Социальность всегда была призвана проявлять специфику взаимодействия всего пространства словесности и общества, времени, истории, идеологии, повседневности, актуализируя их взаимоотношения связью автора, его творения и его читателей, особенностями их

культурной коммуникации. Однако современное литературоведение, которому хотя по-прежнему и присуща ориентированность на социальные аспекты жизни словесно-культурного пространства, в противовес классическому литературоведению, ориентированному на другие ценностные представления о роли и природе словесности, обнажает недостаточность внимания и чуткости к социальности, реализовывающуюся непосредственно и именно в словесно-культурном пространстве. Это своеобразное невнимание и нечуткость литературоведения проявляется, во-первых, через недостаточное и во многом поверхностное либо историко-культурологическое осмысление специфической природы социальности, одновременно активно обращенной и к живой общественной жизни, и к собственно ткани словесно-культурного произведения и процесса, осуществляющейся на их значимо тонком пересечении и взаимодействии. Во-вторых, через примитивизацию, недооценивание роли, места, статуса и функции социальности, что приводит к их упрощению. В современном литературоведении социальность оказалась либо преувеличенно и необоснованно с внутренне литературоведческой позиции доминирующим началом (социологическое, гендерное, колониальное литературоведение, например), либо нивелированным и перераспределённым другими, прежде всего, культурными и научными кодами (например, мифологическое, религиозное литературоведение, структурализм, коммуникативистика).

Первый фактор – это активное, стремительное, разновекторное, многоаспектное и одновременное развитие, начиная со второй половины XX ст., различных школ, направлений, течений в европоцентричном литературоведении. Они изначально резко заявили, а также довольно-таки чётко, последовательно обозначили и разработали круг ключевых методов, приёмов, проблем, категорий, понятий, которые на сегодняшний день уже составляют безусловную основу современного литературоведения, но вместе с тем быстро обнаружили и внутренние серьёзные кризисные моменты. Последние относятся и в целом к литературоведению, и почти к каждой из этих школ, направлений, течений, пытающихся различными способами преодолеть собственный, зачастую отрефлектированный идейный и методологический кризис и найти основы для дальнейшего развития (например: [4; 11; 18; 27]). Превалирующее большинство этих школ, направлений, течений носит явно идейно и ценностно

маркированное, последовательно закреплённое в ряде программных работ, обозначение своих базисных позиций и стратегий, например, гендерное литературоведение, феминистская критика, религиозное, мифологическое литературоведение, психоанализ в литературоведении, постколониальное литературоведение, мультикультурализм и литературоведение. Аналогично маркируется, кодифицируется в названии школы, течения, направления и методология, обуславливающая идейную и ценностную сущность литературоведческих стратегий. Например, герменевтика, феноменология в литературоведении, российский формализм, структурализм, постструктурализм, рецептивная эстетика, семиотика, социологическое литературоведение, диалогическое литературоведение, сравнительное литературоведение или компаративистика, деконструктивизм, когнитивизм, коммуникативистика и литературоведение, новый историзм уже изначально содержат указание на свою именно ценностную точку зрения на литературное произведение, его сущность, словесно-культурный процесс, отношение к автору, творческому процессу и подходы к ним.

Подобного рода априори заложенная в основы той или иной школы, направления, течения тенденция сужения, своеобразного вычленения, почти резкого останавливания и специфического словесно-культурного материала, и словесно-культурного, творческого процессов определенными программными установками, не позволяет в полной мере говорить о целостно „творчески запечатленной и творчески преломлённой жизни” [15, с. 5] в произведении словесности. Вполне предопределённым образом, а так же и на основе апостериори полученных результатов можно утверждать, что при исследовании словесно-культурного материала доминировать будет идейно-программная установка. И тогда, например, в исследованиях представителя мифологического литературоведения естественным образом центральное место будут занимать понятия мифа, мифемы, мифологемы, реконструкции мифологических представлений, базисных архетипов, основ и моделей, ведущих героев, их жанрово-стилистических воплощений в собственно литературных произведениях, но естественным образом на периферию уйдут историко-культурная, социально-политическая, морально-общественная составляющие этих произведений. Точнее, они будут служить, во-первых, либо фоном, проявляющим мифологическую основу, ведущие архетипы, во-вторых, либо материалом, преобразованным и „открытым”

культурным кодом мифологического мышления, мифологически активизированным целым рядом собственно литературных и внелитературных факторов. Об этом активно свидетельствуют многочисленные исследования, выполненные в рамках мифологического подхода в литературоведении, в том числе и отечественные. При этом, безусловно, речь не идёт о профессиональном качестве этих исследований, а только о методах и языке литературоведения, которые предполагают, точнее, задают основные стратегии и тактики анализа и интерпретации словесно-культурного материала и процесса. Речь в данном случае и не идёт о целесообразности или нецелесообразности развития методологии и языка того или иного литературоведения. Безусловно, что ответ однозначен: активность возникновения и разновекторного, методологически, семантически объёмного осуществления современного литературоведения качественно обогатили науку о литературе и гуманитаристику в целом. Проблема же в другом. В том, что идейно-ценностные программы отдельных, бесспорно сильных, жизнеспособных и перспективных современных школ, направлений, течений изначально содержат не только собственные жесткие ограничения и направления, стратегии развития, но и не менее жесткие внутренние ограничения в видении и исследовании словесно-культурного материала, словесно-культурного и творческого процессов. Эта ограниченность наиболее очевидна именно при приближении и анализе социальности, которая изначально внутренне глубинным образом взаимосвязана со словесностью, они взаимоопределяют свои сущности. Но именно литературоведческий подход обнаруживает и обнажает повышенно (на фоне того же мифа, гендера или рецепции, например) сложность анализа социальности. Именно здесь требуется профессиональное чутьё и мастерство литературоведа, чтобы не вульгаризировать словесно-культурное пространство и не перевести его анализ в сферу культурологии.

Аналогично дело обстоит и с литературоведением, позиционирующим приверженность определённой методологии, когда даже литературоведение структурально-семиотического толка, предполагающее разновекторное и многоплановое исследование словесно-культурного материала, всё равно вынуждено остановиться перед некими непреодолимыми в его рамках проблемами. Одну из них У. Эко определил как „неизречённый остаток”, когда пытался в пространстве семиологии ответить на константный вопрос литературоведения о специфике

творческого преобразования и существования жизни в словесно-культурном произведении. Уже сама тональность изложения материала даёт представление об основных проблемных моментах структурально-семиотического подхода: „...в действительности, и эстетика *присутствия*, и эстетика *отсутствия* сводятся к попытке спасти в конкретных исторических обстоятельствах человеческого общения „чистую реальность” искусства, с помощью которой можно было бы обосновать пресловутую невыразимость, богатство истолкований, которые художественное произведение сохраняет вопреки всем структурным препарированиям и позитивистскому насилию. Однако попытки интерпретировать произведение искусства как сообщение, как факт коммуникации как раз тому и служат, чтобы изречь „неизречённый остаток” (курсив автора. – Э. Ш.) [28, с. 286]. При этом вполне понятно, что социальность и при таком подходе будет расплыта и затем растворена в различных пластах, уровнях поэтики как системе средств выражения в словесно-культурных произведениях. Социальность не сможет, как и пресловутый эстетический „неизречённый остаток”, быть определённой и обоснованной даже в силу того, что проявления общественности, ценности самоощущения и самосознания общественной личности, социальной свободы, исторической перспективы, гражданственности тоже предполагают и требуют, „живой, реальной полноты бытия” [1, с. 6], воплощенной в произведении словесности как результат именно „творчески запечатлённой и творчески преломленной жизни” [15, с. 5]. При таком подходе, подобно и мифологическому, гендерному, постколониальному, психоаналитическому и даже социологическому литературоведению, законы внутренней связи и соотношения различных взаимообусловленных, взаимоосуществляющихся уровней реализации целого, в том числе и художественного целого, произведения не выявят специфической природы и существования социальности в словесно-культурном произведении и процессе. Социальность будет либо превалировать, подчиняя себе другие ценностные аспекты существования словесно-культурного произведения и процесса, о чём, в частности, особо предупреждал ещё в курсе лекций „Введение в литературоведение” академик В. М. Жирмунский [8], либо будет вспомогательным, в смысле дополнительным аспектом, снова приводя к поэтике жанра, стиля, метода (см., например: [2; 3; 7–12; 18; 21; 22; 25; 27]).

В этом плане весьма показательна и хорошо изучена история социологического литературоведения. Б. Овчарек, рассматривая проблемы, ориентации социологии литературы, анализируя ведущие со второй половины XX ст. модели социолого-литературоведческих исследований, делает два важных вывода, определивших и понимание сути социальности, и её роль, статус в современном литературоведении. Б. Овчарек акцентирует внимание на том, что „...Розвиток соціології літератури у XX столітті відбувався великою мірою під впливом марксизму. Марксистська філософія сформувала передусім категорії соціологічно-літературного опису літературних текстів і визначила пріоритети досліджень у соціології літератури. Головну роль у цьому процесі відіграв угорський філософ, естетик і літературознавець Дьйордь Лукач <...> З часів Лукача спостерігається період зрілості та експансії соціології літератури. На сучасному етапі можна говорити про велику кількість різновидів цієї дисципліни. Як пише французький літературознавець і соціолог Робер Ескарпі – „єдина соціологія літератури поки що неможлива”. Це видно з великої різноманітності проблематики і соціолого-літературознавчих підходів. Дослідники реєструють їх у різноманітний спосіб. Використовуючи типологію течій, <...> говоритимемо про три моделі: про соціологію літературного виробництва, соціологію сприймання і реципієнтів та про соціологію літературної комунікації. Кожна з названих орієнтацій має ще різні підвиди, які зосереджують увагу на дещо іншому аспекті поля виробництва у широкому розумінні, комунікації літературного твору...” [11, с. 276, 277, 278] С этими выводами трудно спорить, тем более, что их убедительность демонстрирует непосредственное развитие европоцентристского литературоведения. Однако при таком подходе, который, казалось бы, естественным образом направлен на исследование социальности в словесно-культурном пространстве, специфика, целостность её, социальности, вхождения и осуществления в ткани произведения по-прежнему остаётся фактически не исследованной или же искривленной рассмотрением под ценностно доминирующим углом зрения. Этот подход демонстрируют, например, исследования Лукача и многих советских литературоведов. Б. Овчарек, анализируя позицию Лукача, тонко, корректно и рельефно показал собственно литературоведческие недостатки такого подхода: „Серед різних літературних родів і жанрів він висуває на чільне місце роман. Послугуючись об’ємною формулою Гегеля, він називає роман „міщанською епопеєю”. Вона становить для нього

місток між поетичною формою античного епосу і сучасним життям міщанства – працьовитим, егоїстичним і позбавленим ілюзій. Роман як літературний жанр пасує міщанству в тому сенсі, що найповніше і найбільш реалістично репрезентує зміни стосунків у лоні міщанства, домінантного суспільного класу, в епоху зростання капіталізму. Все більш очевидні конфлікти між особами та суспільними класами роман привдягає в форму оповіді й віддзеркалює їх, будуючи схему сюжету і типові постаті героїв. Конкретні персонажі втілюють у романі окремі суспільні класи, а їхні конфлікти віддзеркалюють панівні суспільні конфлікти” [11, с. 276, 277]. Понятно, что при таком подходе социальность будет всего лишь способом видения и отображения общественных, политэкономических отношений в словесно-культурном пространстве, выступающим их жизненно правдивой фиксацией и сохранением. Как показал исторический опыт литературоведения, здесь важна крайне хрупкая черта, после разрушения которой начинается господство вульгарно-социологического подхода. Однако к пониманию специфики социальности в словесно-культурном произведении (шире – пространстве) это не приближает.

Таким образом, поэтика как таковая, целью которой константно „является выделение и систематизация элементов текста, участвующих в формировании эстетического впечатления от произведения” [9, стлб. 785, 786], в современном литературоведении априори не предполагает самоценного и самозначащего рассмотрения социальности именно как проявления словесно-культурного пространства. При всём методологическом многообразии современного литературоведения, именно социальность, что особо очевидно на фоне основных тенденций видения и осмысления словесно-культурного материала и процесса, по сути, оказывается в лучшем случае, дополнительным, а в доминирующем большинстве – нивелированным явлением, почти не нашедшим отражение в специфическом словесно-культурном пространстве.

В этом плане примечательно, что даже в одном из фундаментальных по задумке и основным тенденциям реализации трудов новосибирских филологов „Материалы к „Словарю сюжетов и мотивов русской литературы” (1996 г., отв. ред. В. Тюпа) [14] и „Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы: Экспериментальное издание” (2003, отв. ред. Е. Ромодановская) [19] нет собственно социально обусловленных мотивов, а превалируют сравнительно-типологический и мифологический подходы,

направленные на реконструкцию ведущих мифем и архетипов. Даже в том случае, когда интерпретируется социально напряженное произведение, изначально направленное на осмысление социальности, акцент всё равно делается на обнаружении и реконструкции, исследовании „...функциональной эффективности использования архетипа, мифологических образов, вечных сюжетов...” [14, с. 157], как в статье Л. П. Якимовой, посвященной мотиву „вывернутости наизнанку” в романе Леонова „Пирамида”. Российская исследовательница изначально настаивает на анализе произведения именно как целостного единства, аргументируя это тем, что „любая попытка изолированного исследования той или иной стороны художественного произведения, так сказать, путем вычленения из общей идейно-эстетической системы, чревата опасностью потерять из виду его целостность, и это тем более необходимо иметь в виду, когда речь заходит о таком объемном и „трудном” произведении, как роман Л. Леонова „Пирамида”, по собственному выражению автора, его „последней книге”, явившейся плодом почти полувекового труда и вобравшей весь жизненный и творческий девятидесятилетнего писателя. Л. Леонову удалось дожить до конечных итогов уникальнейшего в истории человечества социального эксперимента и убедиться в роковой опасности возведения в божественный абсолют всякого конкретно-эмпирического знания о мире” [14, с. 156]. Однако непосредственный анализ, основанный на единстве сравнительно-типологического и мифологического подходов, она выстраивает в логике последовательной реконструкции мифологических, библейских образов, архетипов, сопоставлении на этом основании романа Л. Леонова и Дж. Джойса „Улисс”, уводя тем самым исследование от собственно социальности. Естественно, что подобного рода исследования необходимы, перспективны, обогащают одновременно и теорию, и историю литературы, и культурологию. При всем том нивелирование социальности чревато утратой столь значимой для словесно-культурного материала и процесса, безусловно, включая сюда и творческий процесс, понимания специфического и этим ценного целостного единства, в котором отобразилось творчески увиденное и преображенное многообразие жизни. Ведь и без осмысления и освоения социальности в ткани словесности невозможна целостность словесно-культурного произведения и процесса (аналогичный подход см., например, [6]).

И в двухтомном учебнике „Теория литературы” (Тюпа, Тамарченко Бройтман) [20], как и во всех российских учебниках по теории литературы и введению в литературоведение [2; 24; 25], тоже нет раздела или параграфа, посвященного проблеме социальности, в отличие, например, от архетипа. При этом необходимо отметить, что почти все постсоветские учебники и учебные пособия по литературоведению избегают проблемы социальности, вскользь упоминая о ней в разделах, посвященных массовой литературе, методам, проблеме читателя и реже – жанра. Наиболее полно и ответственно обозначил социальность А. Ткаченко в авторском учебнике „Мистецтво слова” [22]. Можно сделать вывод, что многие литературоведы по-прежнему актуализируют социальность узко понимаемой идеологией и социологическим подходом. Однако это локализует и упрощает трактовку сущности, функций, статуса социальности в словесно-культурном пространстве. Это во-первых. Во-вторых, приводит к более прямолинейному и поверхностному толкованию идеологии и общественных отношений. Фактически, с этим и сопряжен следующий значимый момент понимания социальности в структуре современного литературоведения.

Итак, второй фактор – это активное, стремительное развитие повышенного интереса и почти одновременного с этим кризиса идеологии во второй половине XX ст., что повлекло за собою многие кардинальные трансформации гуманитарного знания, в том числе, и качественные изменения в европоцентристском литературоведении. Об этом много писали европейские интеллектуалы, активно используя в качестве значимого и показательного иллюстративного материала художественную литературу. Глубокий эпистемологический и когнитивный кризис марксистско-ленинской идеологии в позднем советском и постсоветском литературоведении оказался лишь органической частью общего идеологического европейского кризиса, предельно сильно и жестко актуализированного постсоветскими историко-культурными и общественными особенностями, реалиями и проблемами. При этом необходимо учесть следующие важные, уже хорошо известные моменты, обусловившие одновременно повышенный статус социальности и её же проблематизацию в качестве самоценного предмета литературоведения. Во-первых, это уже обозначенный нами момент: словесность константно привязана и обусловлена историей, современностью, общественностью, национальным, религиозным культурным сознанием и

самосознанием, которые изначально и неустранимо идеологичны (в философском смысле этого понятия) по своей природе. Во-вторых, современное литературоведение перестало быть только наукой о словесности и, тем более, только о художественной литературе, а активно расширило свои границы и семантические объёмы, став полноправной, неотъемлемой ценностной составляющей гуманитаристики, что не могло не повлечь и активизации идеологической составляющей. В-третьих, для большинства современных школ, направлений, течений характерна инициативная, сознательная направленность именно на осмысление и освоение идеологического компонента, сращение с подходами, идеями социальной философии и даже политэкономии. Это обусловлено одновременно как качественными изменениями взглядов на словесность прошлого, так и качественными изменениями современной словесности, с которой приходится работать литературоведам и критикам.

В качестве примера стоит вспомнить работы позднего Р. Барта, посвященные социолектам, марксистской идеологии, фрейдизму, социальным мифам, социальной и массовой коммуникациям как ценностно значимым сферам реализации текста. Здесь же вполне можно привести и исследования У. Эко, Ж. Деррида, Ю. Кристевой, Ц. Тодорова, А. Компаньона, П. де Манна.

Наиболее красноречивый пример. В работе „Аллегии чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста”, рассуждая в первой части „Риторика” в разделе „Генезис и генеалогия (Ницше)” о специфике структур значения, проблеме генетического образца литературной истории и литературных текстов, подходах и методах их осмысления литературоведением, а также „...заманчивости ... документально проследить рождение генетического образца в романтическом воображении и в романтической риторике”, де Манн уравнивает различные по природе словесно-культурные тексты. Это приводит его к интересным выводам с точки зрения идеологического восприятия литературоведения: „Ницше представляет собой важный рубеж. Вместе с работами Маркса и Фрейда, в составе триумvirата, ставшего клише интеллектуальной истории, его произведения участвуют в радикальном отрицании генетической телеологии, ассоциируемой с романтическим идеализмом. Внутри свода его собственных работ этот образец повторяется в развитии, ведущем, по словам исследователей, от раннего „Рождения трагедии” (1871) к совсем иной манере и совсем иному тону, преобладающему в

опубликованных работах, начиная с „Человеческого, слишком человеческого” (1876–1878). С точки зрения структуры, равно как и с точки зрения исторической функции, его творчество было своеобразной критикой романтической идеологии, завершавшей период, который, можно сказать, открывается творчеством Руссо. И в самом деле, трудно найти текст, в котором генетический образец был бы более очевиден, чем в „Рождении трагедии”: он оперирует на разных уровнях, которые все появляются из одного истока и устремляются к единой цели. <...> „Рождение трагедии” кажется книгой, в которой четко сформулированный тезис подтверждается вполне уместными аргументами и иллюстрациями. <...> классический пример модуса: история рождения и возрождения, подобная „Vita и nova” Данте, но также похожая и на любимый роман Ницше, „Тристан Шенди” [5, с. 102–103]. Подобного рода ценностный подход ко всей массе словесно-культурного материала, словесно-культурному и творческому процессам оказывается особым методом, направленным на то, чтобы рассмотреть именно с точки зрения зарождения, осуществления и развития, литературного значения все без исключения произведения писателя, эпохи. Так, де Ман одновременно и на равноценных позициях анализирует „Исповедь”, „Общественный договор”, „Юлию” Руссо, аналогично тому, как он это делает с текстами Ницше и как уравнивает в пространстве словесности в целом Руссо, Ницше, Рильке, Пруста. Во второй части книги – „Руссо” в разделе „Метафора („Второе рассуждение”)”, – анализируя сложную, двойственную природу произведений Руссо, где слились „политическая теория и литература (художественная и автобиографическая)” [5, с. 158], де Ман постоянно отмечает связь „лингвистической концептуализации” этих произведений с экономическими и общественными теориями К. Маркса и Ф. Энгельса [5, с. 186–187]. При этом ведущим аспектом актуализации литературного произведения для де Мана, как и для многих представителей современного литературоведения, всё время остаётся различным образом проявленная и освоенная словесность, как целостность разнородных текстов. Творец этих текстов принципиально не может быть дифференцирован на художника, публициста, философа литературоведом, который изначально должен исследовать всю эту цельность словесно-культурного материала и процесса, а также их идеологическую составляющую.

Сюда же можно отнести и исследования постсоветского культуролога, социолога, литературоведа Б. Дубина. Например, это

статья „Литературный текст и социальный контекст”, посвященная деятельности ОППОЯЗа (1986, 1988), „Литература как фантастика: письмо утопии” (1990, 2000), „Объект и смысл (К дискуссии о границах и взаимодействии филологии и философии)” (1995, 1996), „Словесность классическая и массовая: литература как идеология и литература как цивилизация” (1996, 1999) [7]. Для него тоже принципиально важно акцентировать внимание на многоаспектной и разнонаправленной проблеме социальности в словесно-культурном произведении. Однако и Б. Дубин, аналогично представителям французского, немецкого литературоведения и философии вт. пол. XX века, от идей и методов которого он отталкивается, не столько актуализирует специфический смысл слова, словесности, произведения словесности как „...*смыслового действия, семантического события...*” (курсив автора. – Э. Ш.) [7, с. 304], сколько социально-культурные, технические, политические, идеологические экономические аспекты существования произведения словесности и словесно-культурного, творческого процессов в целом.

Понятно, что произошедшие кардинальные сломы в идеологической „карте” современного мира и обусловленные ими модификации культурных умонастроений не могли не отразиться на основных подходах и ценностном видении идеологии и, шире, социальности европоцентристской гуманитаристикой в целом. Здесь достаточно вспомнить интересный анекдот 90-х гг. прошлого столетия, появление и существование которого не только в советском, но в европейском культурном интеллектуальном пространстве было предопределено именно новым отношением к идеологии. Если раньше мы говорили, что Анри Барбюс – один из известнейших писателей и общественных деятелей XX ст., пройдя сложный творческий путь, поднялся до вершин социалистического реализма, то теперь так: Анри Барбюс – один из известнейших писателей и общественных деятелей XX ст., пройдя сложный творческий путь, всё же опустился до метода социалистического реализма.

Естественно, что это всё обуславливает интерес к социальности в качественно новых условиях существования литературной теории, но в тоже время эта актуальность определяется и своеобразной „затерянностью” социальности в современном литературоведении. Она, социальность, как бы и является своеобразным камнем преткновения для современного литературоведения, пытающегося осмыслить то, что всегда было

неотъемлемой структурной и ценностной составляющей целостно понимаемого и принимаемого словесно-культурного пространства, когда, по мысли Н. Бердяева, „все нити сходятся в центральной идее Логоса” [1, с. 7]. Но в тоже время социальность рассматривается, преимущественно, как явление дискурсивных практик, словесно-культурного и философского контекста, общественно-исторических настроений. Социальность разрывает и преодолевает специфику словесно-культурного пространства, одновременно вводя его в широкий контекст и входя в него как некое дополнительное, обусловленное временем и эпохой, напластование. Это с одной стороны. Но с другой – всё это приводит к следующему, известному по социологическому методу в литературоведении. Так, не столько исследуется собственно ткань словесно-культурного произведения, особенности словесно-культурного и творческого процессов как определённого рода самостоятельной целостности, сколько моменты и состояния вот этого их „разрыва” социальностью и „спайки” с нею, связи с внешним для них миром. Но это не привело к тому, что в качественно новых идейно-культурных условиях существования современного литературоведения социальность, подобно мифу или гендеру, получила своё собственное литературоведческое осмысление. И социологический подход в литературоведении не исключение, а, к сожалению, яркое и самоочевидное доказательство. Аналогично она не смогла получить собственных достаточно последовательно разработанных методов исследования, как это происходит с религиозным или же рецептивным литературоведением, компаративистикой. Однако эти новые культурные условия существования литературоведения, как представляется, требуют от него, чтобы социальность, как и миф, рассматривались в специфическом словесно-культурном пространстве, „не как идеальное понятие и также не идея и не понятие, <...> как сама жизнь” [13, с. 142]. Если и далее перефразировать А. Лосева, стремящегося вычленивать и обосновать чисто определение и описание мифа, то и социальность должна быть взята как социальность, „без сведения на то, что не есть она сама” [13, с. 137]. Только при таком условии мы получим актуальное для современного гуманитарного знания литературоведческое последовательное и целостное исследование социальности, именно и прежде всего в словесно-культурном пространстве.

1. *Бердяев Н. А.* Sub specie aeternitatis. Опыты философские, социальные и литературные (1900 – 1906) : [монография] / Н. А. Бердяев. – М. : Канон+, 2002. – 656 с.
2. Введение в литературоведение : учеб. пособие / Л. В. Чернец, В. Е. Хализев, А. Я. Эсалнек и др. – М. : Высшая школа, 2006. – 680 с.
3. *Венедиктова Т.* Секрет срединного мира: культурная функция реализма XIX в. [Электронный ресурс] / Т. Венедиктова // Зарубежная литература второго тысячелетия. 1000–2000 : учеб. пособие ; [под ред. Л. Г. Андреева]. – М. : Высшая школа, 2001. – Режим доступа : http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Vened_Realism.htm.
4. *Вирк Т.* Сравнительное литературоведение сегодня – и завтра? / Т. Вирк // Вестник Московского университета. Сер. 9 Филология. – 2003. – № 5. – С. 168–197.
5. *Ман П. де.* Аллегории чтения: Фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста ; [пер. с англ.] / П. де Ман. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 368 с.
6. *Доманский Ю. В.* Смыслообразующая роль архетипических значений в литературном тексте : пособие по спецкурсу / Ю. В. Доманский. – Тверь : Твер. гос. ун-т, 2001. – 94 с.
7. *Дубин Б.* Слово – письмо – литература: Очерки по социологии современной культуры : [монография] / Б. Дубин. – М. : Новое литературное обозрение, 2001 г. – 416 с.
8. *Жирмунский В. М.* Введение в литературоведение : курс лекций / В. М. Жирмунский ; [под ред. З. И. Плавскина, В. В. Жирмунской]. – Изд. 2-е. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 464 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий – М. : НПК „Интелвак”, 2003. – 1600 стб.
10. Литературный энциклопедический словарь – М. : Сов. энциклопед., 1987. – 752 с.
11. Література. Теорія. Методологія ; [пер. з польськ]. – К. : Видавничий Дім „Києво-Могилянська академія”, 2006. – 543 с.
12. Літературознавчий словник-довідник / [за ред. Р. Т. Гром'яка, Ю. І. Коваліва, В. І. Теремка]. – К. : ВЦ „Академія”, 2006. – 752 с.
13. *Лосев А. Ф.* Диалектика мифа / А. Ф. Лосев // Опыты : литературно-философский сборник. – М. : Сов. писатель, 1990. – С. 137–174.
14. Материалы к „Словарю сюжетов и мотивов русской литературы” / отв. ред. В. И. Тюпа. – Новосибирск, 1996. – 194 с.
15. *Михайлов А. В.* Методы и стили литературы : [монография] / А. В. Михайлов. – М. : ИМЛИ РАН им. А. М. Горького, 2008. – 176 с.
16. Постмодернизм : энциклопедия. – Минск : Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001. – 1040 с.
17. Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. – 358 с.
18. Проблемы современного сравнительного литературоведения / под ред. Н. А. Вишневской и А. Д. Михайлова. – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 96 с.

19. Словарь-указатель сюжетов и мотивов русской литературы : экспериментальное издание / отв. ред. Е. К. Ромодановская. – Новосибирск, 2003. – Вып. 1. – 243 с.
20. Теория литературы : учеб. пособие для студ. филол. фак. высш. учеб. заведений : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : ИЦ „Академия”, 2007.
21. Теорія літератури / О. Галич, В. Назарець, Є. Васильєв. – К. : Либідь, 2001. – 488 с.
22. *Ткаченко А. О.* Мистецтво слова : вступ до літературознавства / А. О. Ткаченко. – К. : ВПЦ „Київський університет”, 2003. – 448 с.
23. *Федотова В. Г.* Меняющаяся социальность [Электронный ресурс] / В. Г. Федотова, В. А. Колпаков, Н. Н. Федотова // Вопросы философии. – № 6 – 2011. – Режим доступа : http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=52.
24. *Фесенко Э. Я.* Теория литературы : учебное пособие для вузов / Э. Я. Фесенко. – М. : Академический Проспект; Фонд „Мир”, 2008. – 780 с.
25. *Хализев В. Е.* Теория литературы : монография / В. Е. Хализев. – М. : Высшая школа, 2002. – 437 с.
26. *Хеллер А.* Два столпа современной этики [Электронный ресурс] / А. Хеллер // Вопросы философии – 2004. – № 3. – Режим доступа : <http://logos101.ru/texts/heller.htm>.
27. *Хима Г.* Современные направления в литературоведении : [монография] / Г. Хима. – К. : Четвертая волна, 2000. – 180 с.
28. *Эко У.* Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко ; [пер. с итал. А. Г. Погоняйло, В. Г. Резник]. – СПб. : ТОО Тк Петрополис, 1998. – 380 с.

СОЦИАЛЬНОСТЬ В СТРУКТУРЕ СОВРЕМЕННОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Элеонора Георгиена Шестакова
shestakova_eleonora@mail.ru
Доктор филологических наук
Донецк, Украина

Аннотация. Поднимается и обосновывается проблема социальности в её связях со словесно-культурным пространством. Доказывается, что социальность всегда была призвана выявлять специфику взаимодействия всего пространства словесности и общества, времени, истории, идеологии, повседневности, актуализируя их взаимоотношения связью автора, его творения с его читателями, особенностями их культурной коммуникации. Акцентируется, что современное литературоведение, вопреки ориентации самого словесно-культурного пространства на социальные аспекты жизни, продолжает обнаруживать недостаточное внимание и чуткость к социальности.

Ключевые слова: социальность, литературоведение, литературоведческая методология, словесно-культурное пространство, словесно-культурный процесс, произведение словесности.

SOCIALITY IN THE STRUCTURE OF MODERN LITERATURE

Eleonora Shestakova

shestakova_eleonora@mail.ru

Donetsk, Ukraine

Abstract. The article raises the problem of sociality and justified in its relations with the verbal and cultural space. It is proved that the social has always been designed to identify the specific interaction of the space of literature and society, time, history, ideology, and everyday life, actualizing their relationship's communication, its creation and its readers, especially their cultural communication network. However, the current literature, for which although still and focus on the inherent social aspects of verbal and cultural space, in contrast to the classical literature *turovedeniya* oriented at other values of the role and nature of literature, The detection-*ruzhivaet* insufficient attention and sensitivity to the social, sold directly to the verbal-cultural space. Naturally, this all leads to an interest in social in qualitatively new conditions for the existence of literary theory, but at the same time, the relevance is determined and a sort of “abandonment” of the social in contemporary literary criticism. She, sociality, as it were, is a kind of stumbling block for modern literary criticism, tried to comprehend what had always been an integral and valuable part of the structural integrity under-May and take the words and cultural space, where, according to Berdyaev, “all the threads converge *dyatsya* central idea of the Logos”. But at the same time, social regarded primarily as a phenomenon of discursive practices, verbal and cultural and philosophical context, the socio-historical sentiment. Sociality breaks and overcomes specific verbal and cultural space, while introducing it in a broad context and entering into it as some additional, conditioned by time and age, bedding. That is one side. But on the other – all this leads to the sociological method in literary criticism, not so much when the actual fabric of the study, especially the verbal, cultural and creative processes, how many times and with the state of their “break” sociality. However, in a qualitatively new ideological and cultural conditions for the existence of modern literary criticism, sociality has not received proper Literary On reflection, rather consistently developed methods. It is this aspect and is relevant to the literature.

Key words: sociality, literary criticism, literary studies methodology, word-cultural space, verbal and cultural process, the product literature.

References

1. Berdiaev N. A. *Sub specie aeternitatis. Opyty filosofskie, sotsial'nye i literaturnye (1900 – 1906)* [Sub specie aeternitatis. Experiments philosophical, social, and literary (1900 – 1906)]. Moscow, 2002, 656 p. (in Russian).
2. Chernets L. V., Khalizev V. E., Esalnek A. Ia i dr. *Vvedenie v literaturovedenie* [Introduction to Literary Studies]. Moscow, 2006, 680 p. (in Russian).
3. Venediktova T. *Sekret sredinnogo mira: kul'turnaia funktsiia realizma XIX v.* [The Secret of the median of the world: cultural function realism XIX

- century]. In: *Zarubezhnaia literatu-ra vtorogo tysiacheletia. 1000-2000*. [Foreign literature ra second millennium. 1000–2000]. Moscow, 2001. Available at: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_Vened_Realism.htm. (accessed 3 December 2012). (in Russian).
4. Virk T. *Sravnitel'noe literaturovedenie segodnia – i zavtra?* [Comparative Literature today – and tomorrow?]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9 Filologiya*, 2003, no. 5, pp.168–197. (in Russian).
  5. De Man P. *Allegorii chteniia: Figural'nyi iazyk Russo, Nitsshe, Ril'ke i Prusta* [Allegories of reading: figural language of Rousseau, Nietzsche, Rilke and Proust]. Yekaterinburg, 1999, 368 p. (in Russian).
  6. Domanskii Iu. V. *Smysloobrazuiushchaia rol' arkhetypicheskikh znachenii v literaturnom tekste* [The semantic role of archetypal values in the literary text]. Tver, 2001, 94 p. (in Russian).
  7. Dubin B. *Slovo – pis'mo – literatura: Ocherki po sotsiologii sovremennoi kul'tury* [Word – letter – Literature: Essays on the sociology of contemporary culture]. Moscow, 2001, 416 p. (in Russian).
  8. Zhirmunskii V. M. *Vvedenie v literaturovedenie : kurs lektsii* [Introduction to Literary Studies : Lectures]. Moscow, 2004, 464 p. (in Russian).
  9. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii* [Literary Encyclopedia of terms and concepts]. Moscow, 2003, 1600 col. (in Russian).
  10. *Literaturnyi entsiklopedicheskii slovar* [Literary encyclopedia]. Moscow, 1987, 752 p. (in Russian).
  11. *Literatura. Teoriia. Metodologiia* [Literature. Theory. Methodology]. Kyiv, 2006, 543 p. (in Ukrainian).
  12. *Literaturoznavchii slovník-dovidnik* [Literary dictionary]. Kyiv, 2006, 752 p. (in Ukrainian).
  13. Losev A. F. *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. In: *Opyty: literaturno-filosofskii sbornik*. Moscow, 1990, pp. 137–174. (in Russian).
  14. *Materialy k "Slovariui siuzhetov i motivov russkoi literatury"* [Materials for the “Dictionary of subjects and motifs of Russian literature”]. Novosibirsk, 1996, 194 p. (in Russian).
  15. Mikhailov A. V. *Metody i stili literatury* [Techniques and styles of literature]. Moscow, 2008, 176 p. (in Russian).
  16. *Postmodernizm: entsiklopediia* [Postmodernism. Encyclopedia]. Minsk, 2001, 1040 p. (in Russian).
  17. *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i poniatii* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow, 2008, 358 p. (in Russian).
  18. *Problemy sovremennogo sravnitel'nogo literaturovedeniia* [Problems of modern comparative literature]. Moscow, 2004, 96 p. (in Russian).
  19. *Slovar'-ukazatel' siuzhetov i motivov russkoi literatury: eksperimental'noe izdanie* [Dictionary-pointer themes and motifs of Russian literature: Experimental edition]. Novosibirsk, 2003, vol. 1, 243 p. (in Russian).
  20. *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. Moscow, 2007, vols. 1–2. (in Russian).
  21. Halych O., Nazarets' V., Vasyl'iev Ie. *Teoriia literaturi* [Theory of Literature]. Kyiv, 2001, 488 p. (in Ukrainian).

22. Tkachenko A. O. *Mistetstvo slova: vstup do literaturoznavstva* [Art of word: Entered to Literary Criticism]. Kyiv, 2003, 448 p. (in Ukrainian).
23. Fedotova V. G., Kolpakov V. A., Fedotova N. N. Meniaiushchaisia sotsial'nost' [Changing social]. *Voprosy filosofii*, no. 6, 2011. Available at: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=332&Itemid=52 (accessed 3 December 2012). (in Russian).
24. Fesenko E. Ia. *Teoriia literatury: uchebnoe posobie dlia vuzov* [Theory of Literature]. Moscow, 2008, 780 p. (in Russian).
25. Khalizev V. E. *Teoriia literatury* [Theory of Literature]. Moscow, 2002, 437 p. (in Russian).
26. Kheller A. Dva stolpa sovremennoi etiki [The two pillars of modern ethics]. *Voprosy filosofii*, 2004, № 3. Available at: <http://logos101.ru/texts/heller.htm>. (accessed 22 December 2012). (in Russian).
27. Khima G. *Sovremennye napravleniia v literaturovedenii* [Contemporary trends in literary criticism]. Kyiv, 2000, 180 p. (in Russian).
28. Eko U. *Otsutstvuiushchaia struktura. Vvedenie v semiologiiu* [The Absent Structure]. Sankt-Peterburg, 1998, 380 p. (in Russian).

Suggested citation

Shestakova E. Sotsial'nost' v strukture sovremennogo literaturovedeniia [Sociality in the structure of modern literature]. *Pytannia literaturoznavstva*, 2013, no. 88, pp. 234–257. (in Russian).

Стаття прийнята до друку 10.06.2013 р.